

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Я многократно высказывал мысль, что «Бандитский Петербург» принадлежит к числу книг, которые бесконечны. Их можно писать всю жизнь. Другое дело, нельзя сказать, что изначально именно такая задумка у меня и была. Когда я только начинал заниматься исследованием бандитизма в отдельно взятом мегаполисе, мотивация моя была самая простая: я всего лишь работал в петербургской газете «Смена», в криминальном отделе, который сам и создал. Это было мое направление работы — раз, работу я старался делать хорошо — два, и третье — я был абсолютно убежден, что организованная преступность является одной из актуальнейших тем. В ту пору многие люди в нашей стране, равно как ведущие здесь бизнес иностранцы, столкнулись с новым для себя явлением и абсолютно не понимали, что это такое. Огромное количество наших граждан просто растерялось — такого же не было в советское время, а тут откуда ни возьмись появилось. И мне захотелось постараться более-менее доступным языком объяснить людям: что же такое вокруг происходит, какие у этого явления корни.

Самим словосочетанием «Бандитский Петербург» читатели обязаны вовсе не мне, а Владу Чертинову, который на тот момент (а первая статья с таким подзаголовком вышла в газете «Смена» в ноябре 1992 года) состоял в должности заместителя главного редактора. Мой вариант назывался «Петербург бандитский» — по аналогии с небезызвестной «Москвой кабацкой». Таким названием я хотел подчеркнуть, что как раз не весь Петербург бандитский — это всего лишь один из сегментов его истории, как былой, так и современной. Однако Влад посчитал, что «Бандитский Петербург» звучит зазывнее, а я на такое предложение с легкостью согласился. Разглядев в нем другое противопоставление: бандитский Питер — в отличие от Москвы воровской.

Тогдашняя реакция на то, что я делал, у многих наших политиков, общественных и культурных деятелей оказалась, мягко

говоря, нервной. Дескать, стоит ли вообще об этом говорить? А мне, в свою очередь, на подобные упреки хотелось ответить, что организованную преступность не я придумал и не я сделал так, что ее уже невозможно скрыть, переместив в сектор умолчания. Это не мне и не другим журналистам следовало предъявлять упреки, не на зеркало обижаться. Уж если с кого и спрашивать, то, наверное, с лидеров: как вверенный вам город, вверенная вам страна оказались в таком состоянии? К примеру, начнем мы сейчас кампанию со слоганом «Петербург каракулевый» — потратим на это массу денег и сил. Но как только мы перестанем развешивать рекламу на билбордах, люди тут же об этом забудут. А вот с «Бандитским Петербургом» вышла совсем другая история...

Меня частенько спрашивают: «Какой вы представляете себе читательскую аудиторию „Бандитского Петербурга“? Для кого эта книга? Для силовиков? историков? бандитов?» Ну что тут сказать... За три десятилетия суммарный тираж книги давно перевалил отметку в миллион экземпляров. В нашей стране не наберется миллиона историков, даже сотни тысяч не наберется. Следовательно, подавляющее большинство читателей книги, за исключением самих бандитов и историков, это обычные граждане, которым все это дело просто интересно. Именно по этой причине, несмотря на то что «Бандитский Петербург» — совсем не художественная вещь, я старался вести повествование не «научно-образно», а живым разговорным языком. Теперь, про прошествии стольких лет, желающих и могущих одолеть эдакую бумажную махину гораздо меньше, нежели в самом начале моей работы, когда людям подобная информация, повторяюсь, была жизненно необходима — как справочник, как школа выживания. А все потому, что порожденная новой политико-экономической ситуацией организованная преступность в 1990-е стала одной из важнейших составляющих нашего общественного устройства и нашего образа жизни. Все мы, в сознательном возрасте пережившие то время, прекрасно помним, как бандиты и организованные преступные группировки чувствовали себя хозяевами жизни. Как они активно «крышевали» бизнес, а РУБОПы, которые должны были с ними бороться, занимались по сути тем же. Это как если бы борьба с «крышами» была поручена самим «крышам». Как это ни печально признавать, большинство тогдашних мероприятий по борьбе с

оргпреступностью становились либо актами мести за смерть сотрудников милиции или госбезопасности, что полностью в духе «Коза ностры», либо результатом конфликтов в бизнесе, издержками конкуренции. Парадокс состоял в том, что в дальнейшем организованная преступность сошла на нет без особых усилий со стороны РУБОПов, ОБЭПов и т. д., то есть никак не в результате активного противодействия государства. И лично я не в восторге от того, что этот костер догорел сам по себе, а не потому, что правоохранительные органы его затушили...

Переломным стал 2000-й год. Время, когда началась «великая бандитская демобилизация» в Москве и Петербурге. В провинции и на окраинах это случится чуть позже, но сути это уже не меняло. Цивилизованный бизнес стал более рентабельным и менее рискованным, чем «крышный» с его стрелками и разборками. Все уже всего понахватали, и наступила пора осваивать деньги. Бандиты пошли в легальный бизнес, акционировались, рынок перековал их быстрее любой тюрьмы. Частные охранные предприятия выигрывали у бандитов конкуренцию на рынке охранных услуг, и как только у бизнесменов появилась возможность выбирать, они стали предпочитать более предсказуемые решения проблемы безопасности. Где-то бандитов просто выгнали менты и гэбэшники и встали вместо них. В чем-то стала эффективней и судебная система. Спрос на бандита упал, а поддерживать этот спрос искусственно бандит оказался уже не способен. Так закончился период гангстерских войн. Когда на экраны вышел 1-й сезон сериала «Бандитский Петербург», то, о чем рассказывалось в фильме, уже было историей...

Порой мне приходилось слышать упрек, что я воспеваю, романтизирую преступный мир, и в ответ хотелось спросить: «А вы книгу-то читали?» То же самое, кстати, произошло и с фильмом «Бандитский Петербург» — мне вменили в вину, что слишком симпатичным получился Антибиотик, главный злодей. На это я отвечал: «В фильме „Семнадцать мгновений весны“ очень симпатичным получился Мюллер, но не станете же вы говорить, что Лиознова воспевала нацизм?..» Разумеется, никто никого не воспевал. Когда огромное количество и коллег, и «официальных лиц» боялись назвать вещи своими именами, я писал: вот эти, эти и эти

люди — бандиты, у них такой-то генезис, такое-то расположение и т. д. А если кто-то желал видеть в моем исследовании намерение опорочить Петербург — так ведь есть и люди, которые, посмотрев на «Маху обнаженную» Гойи, увидят голую бабу. На свете, увы, много людей неумных, завистливых и любящих повторять чужую дурь. К сожалению, их слишком много, и пожелать им можно лишь то, что говорит наш президент: «Дай вам бог всем здоровья». И слава богу, что в пику им остаются другие. Такие, к примеру, как мой друг, писатель Михаил Веллер, однажды произнесший очень важные для меня слова: «Андрюха, „Бандитский Петербург“ — знаковая вещь, и ты ей можешь гордиться». А Веллер — человек, который не будет говорить того, чего не думает на самом деле, поэтому слова его для меня особенно ценны...

Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что, сколько бы ни выходило переизданий «Бандитского Петербурга», как бы ни дополнялась, ни перепроверялась информация, эта книга все равно не свободна от ошибок, неточностей. Но у такого рода вещей так всегда. Не хочу себя сравнивать с великими, но не секрет, что у Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГе» много недостоверного. А как без этого? Он работал с людьми, записывал рассказы, люди ошибались... Или взять Пушкина, которого я считаю предтечей русского журналистского расследования: историки не слишком высоко оценивают его «Историю Пугачева» с точки зрения именно исторической. Но в том-то все и дело, что это был не исторический труд, это была журналистика того времени, просто формата еще не существовало, а Пушкин это уже делал. В этом его заслуга, а не в точности фактов. И вообще... Как написал в предисловии к переизданию своего документального романа «Самодержец пустыни» мой добрый знакомый, писатель Леонид Юзефович, чье творчество я безмерно люблю и уважаю: «Я исправил имевшиеся в первом издании ошибки, но наверняка допустил другие, потому что не ошибаются лишь те, кто повторяет общеизвестное». Так и с «Бандитским Петербургом». Учитывая условия, в которых я работал, о какой абсолютной точности можно говорить? Несмотря на то что у меня были источники и в правоохранительной, и в бандитской среде, хорошо, что вообще хоть что-то получалось.

Меня часто упрекали в том, что я делаю рекламу бандитам, что я на них чуть ли не работаю. Причем перечисляли практически всех крупных авторитетов своего времени: Костю Могилу, Мирилашвили... Чуть ли не пресс-секретарем Кумарина называли. Это смешно. Говорить такое могли люди, которые не понимали, как мне удается выдерживать баланс отношений с этими людьми, вступая с ними в диалог. Но, послушайте, если у вас не получается или вы боитесь подходить так близко к бандитам, не спешите делать выводы по поводу тех, у кого получилось. Ни на кого из бандитов я никогда не работал. Достаточно часто у меня возникали конфликты с этой средой, вплоть до прямых угроз. Эти люди ведь очень по-разному себя вели. Кумарин, допустим, согласился на интервью, а Костя Могила сказал: «Нет, я интервью не дам, давай я тебе все расскажу потихоньку, а ты как будто сам это все узнал». А были и такие, как Шевченко покойный, которые говорили: «Вы стоите на пути моего бизнеса, моей организации, так что советую подумать». Такое тоже слышать приходилось. И на милицию я не работал, не был милицейским сливом. Свою работу я делал сам и по своей воле. Делал ее искренне и честно. Мне за нее не стыдно.

Конечно, сейчас уже нет такого интереса к «Бандитскому Петербургу», как в 1990-е годы, но я все равно убежден, что эту работу следует продолжать. Вот только... Где бы еще набраться сил? В любом случае это исследование не может быть закончено одним лишь волонтаристским решением, поскольку само явление не исчезло, а всего лишь мутировало. Например, в наши дни расцветает такая форма организованной преступности, как контрафакты и наркотики. Но такие деньги любят тишину — для этого армии бандитов не нужны. Что еще? Индустрия развлечений, все виды секс-бизнеса, но, повторюсь, прежде всего контрафакт. Наверное, многим думается, что это лишь паленая водка, но это еще и дома, стройки — огромные объемы наличных денег (за контрафакт можно платить только налом). Поэтому ситуация с полковником Захарченко, у которого квартира была забита наличкой, объяснима — просто склад для расплаты, чтобы, когда нужно, было чем заплатить. Контрафакт — это индустрия: алкоголь, пельмени, зубная паста, машинное масло — вообще всё. И эта ситуация, как мне кажется, еще очень долго не изменится. Просто никто не хочет, чтобы это заканчивалось. Все же только богатеют и никому

от этого плохо не становится. Нынешняя контрафактная водка отличается от бодяжной водки 1990-х тем, что когда вы проведете химический анализ-сравнение с неконтрафактной, то не найдете никакой разницы. Да, потребителю от этого не плохо, вы не отравитесь. Но когда речь идет о таких объемах, то говорить о том, что правоохранные органы чего-то не видят, не понимают и не замечают, невозможно. Мы провели по улице слона, и никто его не заметил — такого не может быть. Этот слон идет медленно, он большой. И если его не видит никто, значит, все в доле.

К сожалению, наше время не несет в себе какого-то идеологического стержня. Время, где непонятно, где свои, а где чужие, что хорошо, а что плохо и как на самом деле нужно поступать, чтобы не оказаться лузером. Ведь это легко у нас сейчас — выпускать какие-то бесконечные сериалы про ментов, и там все такие бедные, но честные, а потому производящие впечатление туповатых. И возникает вопрос: а на основании чего эти люди такие? Что ими движет? Воспоминания о советском детстве? Клятва пионерскому галстуку? Но тогда откуда у нас берутся такие, как полковник Захарченко, у которого в квартире гора наличности?..

И последнее. Рождаются, случаются в этом мире такие творческие детища, которые на каком-то этапе настигают и накрывают своего автора. Вот и со мной в свое время случилось нечто подобное. Однажды на входе в питерский «Гранд Отель Европа» некий, лично мне неизвестный, но по-видимому узнавший меня в лицо, человек, по виду — эдакий авторитетный предприниматель средней руки, указал на меня своему спутнику и громко высказался: мол-де, зырь, живой персонаж «Бандитского Петербурга». Осознание того, что в конечном итоге в глазах случайных людей я сам сделался персонажем своей книги, меня невероятно умилило. Впрочем, какая-то странная логика в этом, наверное, присутствует.

Засим остаюсь искренне ваш, Андрей Константинов

Апрель 2023 г.

Часть первая

ИЗНАНКА СТОЛИЦЫ ИМПЕРИИ

...Много легенд ходит о том, как был основан Петербург. Говорят, например, что, когда 16 мая 1703 года Петр I начал копать первый ров, — появился в небе над государем орел, которого сумел подранить выстрелом из ружья некий ефрейтор Одинцов. Петр развеселился, счел поимку орла добрым предзнаменованием, перевязал птице лапы платком и посадил себе на руку.. Хорошее настроение не покидало царя до вечера, когда началось большое гуляние, сопровождаемое пушечной пальбой...

Веселился царь, веселилось его «кумпанство», а по всей России известие о строительстве нового города вызывало проклятья и слезы. Уже к осени 1703 года на строительство Петербурга было согнано около двадцати тысяч «подкопщиков» — так в те времена называли землекопов. Однако через год Петр, недовольный темпами строительства, велел каждый год сгонять на работы не менее сорока тысяч человек. Землекопы приходили к берегам Новы минимум на два месяца, работая от рассвета до заката. Учитывая длинные летние дни — работали они почти без отдыха и умирали сотнями от переутомления и недоедания. Цифры погибших при строительстве Петербурга называют разные — 60, 80 и даже 100 тысяч человек, на самом деле в то время умерших просто не считали. Естественно, люди бежали и с самого строительства, и по дороге на него. Иногда в бегах числилась чуть ли не третья часть всей рабочей силы, поэтому решено было вести рабочих людей (как правило, это были крестьяне со всей матушки-России) в Петербург закованными в кандалы. Кроме того, на строительстве активно использовались солдаты-дезертиры и пленные шведы. Из-за всего этого, наверное, и ходят до нашего времени по Питеру мрачные легенды о том, что стоит он на костях каторжников, бандитов и разбойников, чьи неуспокоившиеся души продолжают творить в городе злые дела. Некоторые из этих старых легенд были упомянуты в свое время Алексеем Толстым в романе «Хождение по

мукам»: «Еще во времена Петра I дьячок из Троицкой церкви, что и сейчас стоит близ Троицкого моста, спускаясь с колокольни, впотьмах, увидел кикимору — худую бабу и простоволосую, — сильно испугался и затем кричал в кабаке: „Петербургу, мол, быть пусто“, — за что был схвачен, пытан в Тайной канцелярии и бит кнутом нещадно.

Так с тех пор, должно быть, и повелось думать, что с Петербургом нечисто. То видели очевидцы, как по улице Васильевского острова ехал на извозчике черт. То в полночь, в бурю и высокую воду, сорвался с гранитной скалы и скакал по камням медный император. То к проезжающему в карете тайному советнику липнул к стеклу и приставал мертвец — мертвый чиновник. Много таких рассказней ходило по городу».

Между тем реальных разбойников и бандитов в России периода строительства Петербурга было предостаточно. Причем, вопреки часто бытующему мнению, разбоем и воровством занимались отнюдь не только беглые крестьяне. Еще в 1694 году в Москве была раскрыта и ликвидирована, выражаясь современным языком, «бригада» братьев Шереметьевых, которые вместе с князем Иваном Ухтомским, Львом и Григорием Ползиковыми, Леонтием Шеншиным и другими благородными господами приезжали «...среди бела дня к посадским мужикам и дома их грабили, смертное убийство чинили». Кстати, благородных бандитов наказывали совсем не так жестоко, как «подлый люд», — те же Шереметьевы были освобождены на поруки и переданы «для бережения» боярину Петру Шереметьеву — правда, с «казненными» (т. е. подрезанными) языками. Как все это напоминает день сегодняшней, не правда ли, Читатель? Россия меняется, а вот повадки российские... М-да... Чиновники конца XVII века были коррумпированными и жадными не менее нынешних — в том же 1694 году некий Федор Дашков совершил акт государственной измены и попытался бежать к королю Польши, однако на границе его взяли, допросили и послали в кандалах в Москву, в Посольский приказ (по подследственности, так сказать). В столице, однако, Дашков был... освобожден, поскольку догадался дать думскому дьяку Емельяну Украинцеву 200 золотых¹... Коррупция и казнокрадство процветали на фоне волны

---

¹ В те времена это были огромные деньги. А в конце 1995 года один знакомый адвокат сказал мне по секрету: «Знаешь, сколько стоит освободить невинного человека из тюрьмы? Восемь тысяч долларов. Это притом, что судье даже не нужно закон нарушать».

грабежей и разбоев, захлестнувших страну. В 1705 году знаменитый прибыльщик Курбатов писал Петру I: «В городах от бургомистров премногие явились кражи вашей казны. Да повелит мне Ваше Величество в страх прочим о самых воровству производителях учинить указ, да воспримут смерть, без страха же исправить трудно». Обострение криминогенной ситуации одновременно снизу и сверху, естественно, вынудило Петра лично озаботиться «лучшим устройством» полиции. Считается, что петербургская полиция получила свое начало одновременно с основанием города. Поскольку Петербург был заложен на территории Ингерманландской провинции¹, которой управлял князь Меншиков, то он и сосредоточил первоначально в своих руках всю полицейскую власть. Светлейший был обязан: «и по городу и по острогу в воротах, и по башням, и по стенам караулы держать неоплошно; чтобы караулы были в указанных местах во дни и ночи беспрестанно, чтобы в городе нигде разбою и татьбы, и душегубства и иного никакого воровства и корчмы, и зерни и табаку не было. А буде какие люди учинут красть и разбивать и иным каким воровством воровать, велеть таких людей иметь и расспрашивать, и по них сыскивать; и учинить им по соборному уложению, кто чего доведется».

Петербург строился по образцу благоустроенных европейских городов, предполагалось, что значительная масса населения будет жить на сравнительно небольшом пространстве. Притом большая часть этого населения состояла из людей неблагонадежных, потенциально криминогенных слоев, поэтому новому городу нужна была сильная, энергичная, хорошо дисциплинированная полиция, какой в русской традиции не было. В древние времена на Руси община оберегала сама себя, позже князья наделили полицейской, судебной и фискальной властью воевод и тиунов, которые объективно были не в состоянии защитить путников и купцов от разбоев и грабежей на дорогах — как больших, так и проселочных. Потом

---

¹ Местечко, кстати говоря, было совсем не тихое. В то время около берегов Балтийского моря шатались многочисленные шайки карелов, совершавших разбой, грабежи и убийства. И творя при этом бесчисленные злодеяния. Эти банды не щадили ни пола, ни состояния, ни возраста. По некоторым свидетельствам, они сдирали кожу с живых людей, вырезали внутренности, забивали в пятки гвозди. Их шайки достигали численности 50—100 и даже 200 человек. Они состояли в основном из беглых холопов, бездомных горожан и обнищавших крестьян. Но попадались среди них и преступные потомки некогда славных родов.

судебно-административными центрами в России стали «Разбойный приказ», которому подчинялись губные старосты и целовальники, Земские дворы и избы, Судебный приказ и Съезжие избы. Поэтому Петр Великий учредил Петербургскую полицию по образцу немецких городов. Во главе полицейского управления он поставил генерал-полицмейстера, подчиненного Сенату. Первым генерал-полицмейстером Петербурга стал зять князя Меншикова генерал-адъютант португальского происхождения Антон Девиер. От Петра Девиер получил инструкцию из 13 пунктов, в которых царь сформулировал особо беспокоившие его проблемы — в частности, Девиеру предписывалось пресечь разбои и грабежи, которые случались среди бела дня даже на главных улицах. В город на Неве со всех концов государства хлынули воры и разбойники, которые растворялись в бесчисленных притонах и игорных домах. Их ловили, казнили, клеймили, бросали в тюрьмы, высылали, но меньше их почему-то не становилось, что сильно озадачивало Петра. Для «фильтрации» городских жителей царь затеял перепись населения столицы, надзор же за горожанами был поручен старостам и десятским. Десятские обязаны были также выявить подозрительные дома, где много пили, играли в азартные игры, а также занимались «другими похабствами». О таких притонах десятские обязаны были доносить в полицмейстерскую канцелярию. Однако вместо одного закрытого притона через несколько дней появлялась пара новых. По свидетельству очевидца, в Петербурге тогда по улицам и площадям постоянно слонялись «гуляющие люди», основными занятиями которых были воровство, пьянство и разгул. Положение стало настолько серьезным, что в конце концов на всех улицах были установлены рогатки или шлагбаумы, которые опускались с одиннадцати часов вечера и поднимались лишь на рассвете. В этот период времени беспрепятственно пропускались лишь знатные персоны, команды солдат и врачи. «Подлые люди» могли ходить ночью лишь в случае крайней нужды и не более трех раз, в противном случае их брали под стражу. Фактически такое положение очень напоминало современный комендантский час.

Однако несмотря на все принимаемые меры криминальная обстановка оставалась крайне серьезной. 22 февраля 1711 года был учрежден правительственный Сенат, который почти сразу же издал указ против воров и разбойников, которых рекомендовалось вешать на том месте, где их поймали. (Сегодня подобные

меры борьбы с преступностью предлагает возродить господин Жириновский, претендуя, видимо, на лавры Петра. Лидер ЛДПР, правда, упускает из вида одно обстоятельство: как ни странно, несмотря на всю жестокость полицейских мер, преступность при Петре неуклонно росла...) Для выявления злодеев Петр учредил государственную фискальную службу, а в августе 1711 года некто старик Зотов взял на себя звание государственного фискала. Так закладывались в Петербурге традиции агентурной работы — именно в этой сфере русская полиция очень скоро стала одной из самых сильных в мире...

Но все это еще впереди, а тогда, при Петре, в России настала эпоха настоящего уголовного «беспредела». В 1710 году появилась шайка некого Гаврилы Старченка, численность этой банды доходила до 60—70 человек. Прекрасно вооруженные, эти разбойники грабили монастыри, забирали лошадей у крестьян, предавая людей мучительной смерти, — известны случаи, когда шайка Старченка сжигала крестьян в печах, словно это были не живые люди, а дрова... Часто банды сколачивались из беглых солдат, хорошо обученных и вооруженных, бороться с такими формированиями было чрезвычайно тяжело даже регулярным войскам¹. В 1719 году в окрестностях Петербурга, под Новгородом, в Можайском и Мещовском уездах действовали шайки по 100—200 человек. Эти банды отличались прекрасной дисциплиной, почти все разбойники имели верховых лошадей и умели действовать в конном строю. Такие банды могли уже захватывать не только села, но и города — в том же 1719 году разбойники ворвались среди бела дня в город Мещовск и освободили из тамошней тюрьмы своих «братков».

Чем же было вызвано такое резкое обострение криминогенной ситуации в Петровскую эпоху? Говорят, что в Древнем Китае существовало проклятие: «Чтоб ты жил в эпоху перемен!» Любые перемены в обществе, а тем более перемены кардинальные, революционные способствуют криминализации страны: люди теряют уверенность в сегодняшнем, а тем более завтрашнем дне, рвутся

---

¹ И снова вспоминается день сегодняшний — почти в каждой серьезной питерской группировке или банде есть бывшие сотрудники спецслужб, консультирующие «братков» или даже непосредственно участвующие в совершении преступлений. На банды также работают и действующие сотрудники правоприменительной системы — стоит ли тогда удивляться столь малой эффективности так называемой борьбы с организованной преступностью.

планы, судьбы, меняются уклады жизни. Часто теряются привычные источники доходов, но обязательно возникают новые расходы. Время становится динамичным, авантюрным, оно выбирает себе новых героев... Исторические параллели — вещь, безусловно, опасная, часто ими злоупотребляют и спекулируют — но Уважаемый Читатель может судить сам — разгул преступности в России, и в Петербурге в частности, повторится и после революции 17 года, и после перестроечно-демократических преобразований 80—90-х годов уходящего столетия. Вывод получается любопытным — для расцвета уголовщины важен сам факт серьезных перемен в обществе, само их наличие, а не политическая направленность этих перемен. Кстати, и прогрессивные, и регрессивные перемены способствуют установлению атмосферы чиновничье-административного «беспредела» — когда мы дойдем до времен более поздних, я надеюсь, что читатель сможет сам в этом убедиться...

А пока вернемся в эпоху Петра. Чуть ли не самой большой проблемой на пути реформ и нормального функционирования государственного управления стало «ни с чем не сравнимое законенное и безграничное лихоимство и мздоимство». Размах взяточничества и коррупции был таков, что в 1714 году Петр I был вынужден издать специальный указ: «А кто дерзнет сие (лихоимство) учинить, тот весьма жестоко на теле наказан, всего имения лишен, шельмован, или и смертию казнен будет». (Я далек от того, чтобы сравнивать Петра Первого с Ельциным, однако в этом месте нельзя не вспомнить знаменитый указ Бориса Николаевича «О борьбе с коррупцией» — вызвавший в момент издания много шума, этот указ был успешно «забыт» уже спустя год с небольшим.)

Одним из многочисленных заимствованных на Западе нововведений стало учреждение полиции. И в допетровское время, и в первые десятилетия царствования Петра Алексеевича задачи по поддержанию правопорядка на Руси выполняли разные административные и общественные структуры, однако специального органа, занимающегося сугубо полицейскими делами, вплоть до 1718 года не было. Меж тем потребность в учреждении такового диктовалась не только заграничным опытом Петра, но и объективными причинами: должности губных старост и сыщиков были отменены указом 1702 года, а дела ликвидированного годом ранее Разбойного приказа разосланы «которые куда пристойно». Опять